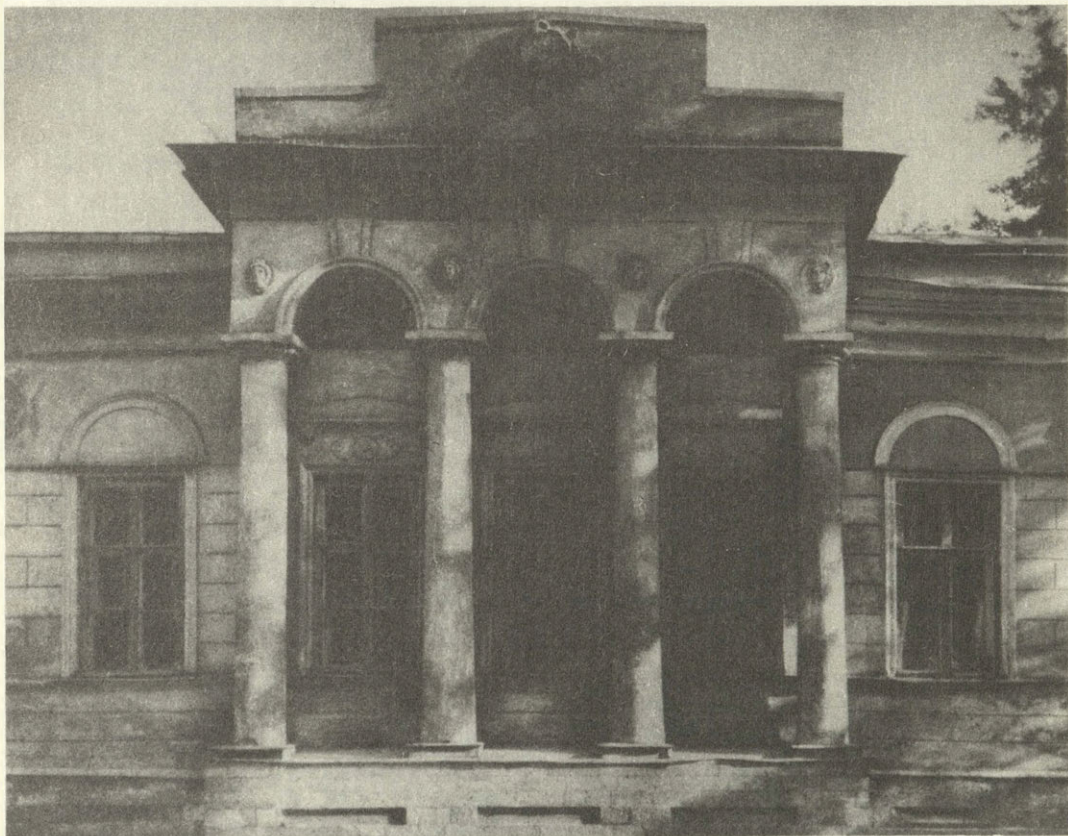

Ю. Б. Шмаров,
историк

Особняк в Гагаринском переулке

В Москве на углу Хрущовского и Гагаринского переулков (ныне улица Рылеева) стоит маленький деревянный особняк, украшенный четырехколонным портиком. Давно уже исчезли окружающие его надворные постройки, разобрана ограда со въездными воротами, на которых когда-то была столь характерная для классической Москвы надпись «Свободен от постоя» (в начале XIX века московское дворянство, построив на свои средства Хамовнические казармы, было освобождено от постоянной воинской повинности, подтверждением чего и служили такие надписи), исчез и старый сад с

кустами сирени и жасмина. Сам особняк с 1960 года находится на государственной охране как памятник архитектуры всеоюзного значения.

Многие москвичи, ценители и знатоки старинной архитектуры, проходя мимо этого дома, не могут не остановить свой взор на его прекрасных пропорциях, на его строгой и изящной красоте.

Волею судьбы моя жизнь оказалась тесно связанной со старым особняком. Я прожил в нем много лет, знал его последних владельцев. Изображение его я поместил на экслибрисе своей библиотеки. Меня заинтересовала его история и жизнь его обитателей, я начал изучать архивные и литературные источники. Оказалось, что дом этот тесно связан с историей Москвы, с жизнью многих выдающихся людей нашего Отечества.

На рубеже XVIII и XIX столетий часть города, расположенная между Арбатом и Пречистенкой (ныне улица Кропоткина), с замысловатым лабиринтом переулков, именовалась Старой Конюшенной. Тут жило преимущественно исконное московское дворянство, купцам же и другим сословиям сюда, как правило, доступа не было. Большинство домов было деревянными, одноэтажными; лишь иногда во двор или сад выходили окна мезонина или антресолей.

С большими окнами по фасаду, украшенные колоннами или пилястрами, раскрашенные по штукатурке в светлые тона, с яркими зелеными крышами, окруженные многочисленными флигелями и службами: кухнями, людскими, сараями, конюшнями, погребами, дома эти своим видом напоминали миниатюрные сельские усадьбы.

В конце XVIII столетия на месте теперешнего особняка, на белокаменном фундаменте со сводчатым подвалом, стоял дом, принадлежавший отставному майору Александру Ивановичу Воронину.

Из его сохранившегося послужного списка¹ следует, что родом Воронин происходил из принявших православие калмыков. Большая часть его жизни прошла на военной службе. Участник первой русско-турецкой войны, осады и взятия Очакова, он в 1790 году вышел в отставку и поступил в чине коллежского асессора на гражданскую службу в штат Московской управы благочиния на должность квартального надзирателя и зажил со своей женой Екатериной Сергеевной в тихой Старой Конюшенной.

Неторопливая жизнь этой части города была прервана в 1812 году. В огне московского пожара погибла почти целиком вся Старая Конюшенная, а вместе с ней и дом отставного майора в Гагаринском переулке. Очевидно, не обладая

значительным достатком, Воронин был не в состоянии отстроить заново свой сгоревший дом и продал «горелое место» новому владельцу.

В Московском историческом архиве хранится акт-купчая², из которой усматривается, что 4 марта 1815 года жена титулярного советника Елизавета Ивановна Ипполитова продала флота капитан-лейтенантше, баронессе Пелагее Петровне Штейнгель и ее наследникам свой двор со всеми строениями, доставшийся ей по купчей 1814 года от помещика Потапа Тимофеевича Полушенкова и состоящий в Москве, в Земляном городе, в 3-м квартале Пречистенской части за № 282 в приходе церкви Иоанна Предтечи.

Этот документ интересен тем, что устанавливает факт перехода владения от Ворониных к Полушенкову, от него к Ипполитовой и далее к баронессе Штейнгель, жене известного декабриста.

В квартирной книге 1815 года³ записано, что дом под квартальным номером 282 состоял из деревянного корпуса с антресолями и был отстроен 22 сентября 1815 года, флигель же при нем — 24 ноября того же года.

Барон Владимир Иванович Штейнгель (1783—1862) происходил из древнего немецкого рода, получившего дворянство еще в X веке. Отец его Яган-Готфрид (по-русски Иван) фон Штейнгель поступил на русскую военную службу и, дослужившись до чина поручика, был назначен капитан-исправником в город Обву Пермского наместничества, где вскоре женился на местной купеческой дочери Разумовой.

Из Обвы он был переведен в Иркутск, затем на Камчатку, где своим бескорытием и человеколюбием снискал к себе всеобщее уважение местных жителей. Владимир родился еще в Обве, 13 апреля 1783 года. Живя с родителями на Камчатке, будущий декабрист имел возможность наблюдать нелицеприятные действия местной администрации: самодурство, казнокрадство, притеснение местного коренного населения. Это во многом определило его симпатии, взгляды и убеждения, его жизненный путь.

Сначала Владимир Штейнгель учился в Иркутске, затем в петербургском Морском корпусе, который закончил в 1799 году. Служил мичманом на Балтийском флоте, в эскадре адмирала Чичагова плавал к берегам Голландии и Англии, затем в 1802 году плавал в Охотском море, был произведен в лейтенанты и вышел в отставку в чине капитан-лейтенанта. Живя в Сибири, женился на дочери директора Кяхтинской таможни действительного статского советника Петра Дмитриевича Вонифатьева — Пелагее Петровне. По

настоянию тестя он, покинув службу в Сибири, переехал в Москву.

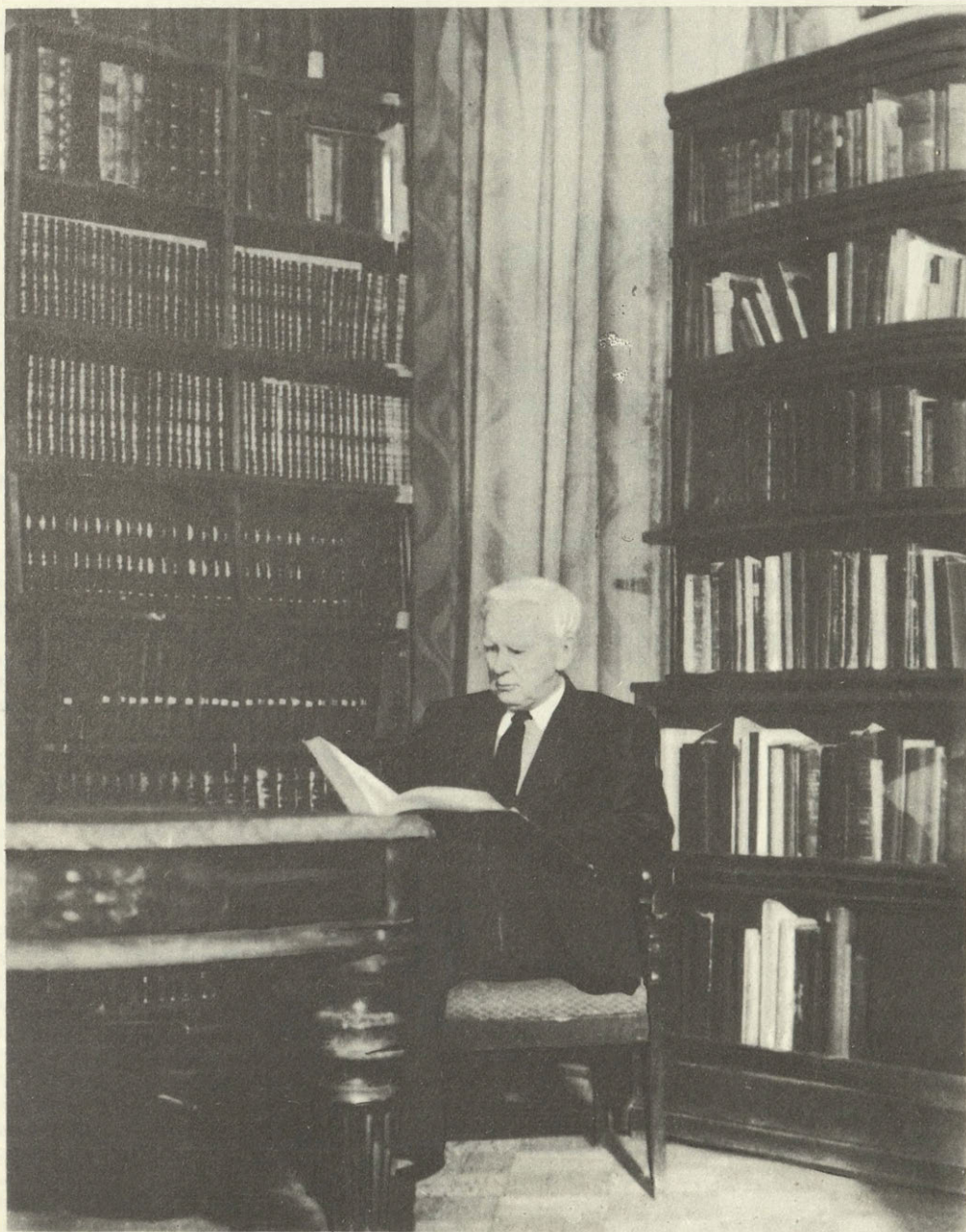
В Отечественную войну 1812 года Штейнгель вступает в петербургское ополчение, совершив в его рядах весь поход и участвовав в ряде сражений. За «отличную храбрость» был награжден орденами Владимира 4-й степени с бантом и Анны 2-го класса. Штейнгель составил записки об этом походе, за что Александр I наградил его перстнем. Позднее их издали отдельной книгой, ныне это библиографическая редкость.

В 1814 году Штейнгель назначается адъютантом московского главнокоман-

дующего графа Тормасова и правителем его гражданской канцелярии. В течение 1814—1815 годов и шла застройка купленного им участка.

Автор проекта особняка остается неизвестным. Как правитель гражданской канцелярии Тормасова Штейнгель принимал участие в работах по восстановлению сгоревшей Москвы, близко соприкасался с целым рядом архитекторов.

В этот период в Москве работали такие крупные мастера, как Жиллярди, Бове, Григорьев, Еготов, которые могли в силу своего служебного положения и постоянного общения со Штейнгелем со-

ставить ему проект дома или же приложить руку к уже готовому проекту, внося в него соответствующие поправки: безупречность архитектурных пропорций особняка служит подтверждением такого предположения.

От многочисленных особняков послепожарной Москвы он отличался тем, что архитрав его, опирающийся на четыре колонны, вырезан полукруглыми арками. Таких особняков в городе было немного; старые москвичи еще помнят один из них, что стоял на Собачьей площадке. Уцелел еще подобный особняк на Смоленском бульваре, подобный же полукруглый вырез применен в Александрийском дворце в Нескучном саду (ныне здание Академии наук СССР). Существует предположение, что автором проекта этих домов был архитектор Мироновский⁴.

Окна особняка украшены грифонами, на аттике вместо традиционного герба — ленты гирлянд. По главному фасаду, выходящему в Гагаринский переулок, шли парадные комнаты: зал, гостиная, боскетная (чайная), угловая. Жилые комнаты выходили в сад. Вход располагается сбоку, с Хрущовского переулка; крыльцо до сих пор украшает живописная решетка. Через холодные сени посетитель входил в небольшую, с двумя окнами переднюю, из которой дверь вела в пятиконный зал, самую большую и парадную комнату дома, служившую и столовой. Потолок зала украшен лепкой с характерным для того времени рисунком.

Из зала шла анфилада парадных комнат. В гостиной с тремя окнами, потолок которой также украшен лепкой, стоят две вписанные в углы печи, одна из которых — чисто декоративная, с изящными бронзовыми отдушниками.

В боскетной, небольшой в одно окно комнате, особенный интерес представляет потолок с вписанным в него полусферическим куполом, расписанным гризайлью, с многочисленными вкрапленными в роспись масонскими эмблемами, сейчас скрытыми под позднейшей побелкой.

Из зала через невысокую дверь красного дерева, украшенную тонкой резьбой, идет вход в кабинет — небольшую, в 16 квадратных метров комнату с двумя выходящими во двор окнами. С невысоким потолком (над ним находятся антресоли), со стенами, отделанными искусственным мрамором, с камином, некогда украшенным бронзой, со вделанным над ним в стену зеркалом кабинет показателен как образец интерьера начала прошлого столетия.

Другое зеркало, большое, в рост человека, обрамленное резьбой по красному дереву, служит потайной дверью в неболь-

Интерьер
особняка.
Собрание
Ю. Б. Шмарова

шую комнату, из которой через люк можно было попасть в белокаменный подвал.

Остальные комнаты: угольная, спальня, девичья и помещения антресолей художественной отделки не имели; сохранилась крутая с поворотами лесенка с точеными балясинами, ведущая наверх.

Штейнгель был человеком честным и порядочным, держал себя независимо, его служебное рвение создало ему много врагов; один из них, полицеймейстер Шульгин, своими интригами вынудил Штейнгеля выйти в 1817 году в отставку с чином подполковника.

Старания вновь поступить на государственную службу остались безуспешными, он пытается заняться литературным трудом, пробует открыть пансион для юношества, публикует его программу. Содержание многочисленной семьи — у Штейнгеля было 4 сына и 4 дочери — требовало больших средств, и дом пришлось продать в 1819 году.

Известно, что в 1823 году Штейнгель со всей своей семьей жил «по найму» в доме купца Makeева в приходе Троицы в Вешняках (Моск. ист. архив, ф. 203, оп. 747, д. 899). В том же 1823 году он знакомится с Рылеевым и другими будущими декабристами. Впереди были Сенатская площадь, каторга, поселение и смерть в 1862 году. Начаты еще в 1818 году и законченные уже по возвращении из ссылки автобиографические записки Штейнгеля опубликованы в журнале «Исторический вестник» в 1900 году.

С 1819 по 1838 год особняком в Гагаринском переулке владел Николай Иванович Квашнин, участник Бородинского сражения; предок его выехал в Москву около 1300 года из Галицкой земли, а один из Квашниных предводительствовал в Куликовской битве костромским полком. В 1830 году он сдал купленный у Штейнгеля особняк гвардии штаб-ротмистру Николаю Николаевичу Тургеневу, и в 1830 и 1831 годах здесь жила Варвара Петровна Тургенева, урожденная Лутвинова, со своими детьми Николаем, Сергеем и Иваном, будущим знаменитым писателем⁵.

В 1839 году особняк покупает отставной гусарский поручик Николай Иванович Хлебников (1805—1855), по смерти которого он перешел к его третьей жене Елизавете Ивановне, жившей здесь с тремя сыновьями. В 1857 году она продает особняк вдове отставного поручика Марии Николаевне Ляпуновой, муж которой происходил из старинного рода, ведшего свое происхождение от галицкого князя Константина Ярославича, младшего брата Александра Невского. Рязанцы Прокопий и Захар Ляпуновы были деятелями эпохи Смутного времени.

Портрет девочки.
Работа художника академика П. Д. Шмарова. Из собрания Ю. Б. Шмарова.

После десятилетнего владения Ляпунова продает за 18 тысяч рублей ассигнациями свой особняк вдове Владимира Ивановича Панаева (1792 — 1859) Прасковье Александровне, урожденной Жмакиной. Владимир Иванович, сын пермского губернского прокурора, известного писателя и масона Ивана Ивановича Панаева (1753—1806), также не был чужд литературе: известны его идиллии, печатавшиеся в «Сыне отечества» и «Благонамеренном». Известный писатель, один из редакторов «Современника», друг Белинского и Некрасова, Иван Иванович Панаев (1812—1862) приходился Владимиру Ивановичу близким родственником.

1 марта 1872 года Панаева продает особняк жене коллежского советника Екатерине Львовне Лопатиной; Лопатины владели им на протяжении 45 лет, до 1917 года, и этот период, пожалуй, является наиболее интересным в его истории.

Екатерина Львовна Лопатина (род. 15. V. 1827) была родной сестрой великого русского математика академика Пафнутия Львовича Чебышева; их отцу, титулярному советнику Льву Павловичу Чебышеву, принадлежал в Москве дом в приходе Неопалимой Купины близ Девичьего поля. Муж Екатерины Львовны Михаил Николаевич Лопатин (1823—1900) окончил в 1847 году юридический факультет Московского университета со степенью кандидата права.

В 1866 году он назначается председателем Московского окружного суда, затем членом и впоследствии председателем Московской судебной палаты. В 1899 году он вышел в отставку в чине тайного советника. Разносторонне образованный, близкий к славянофилам, поборник освобождения крестьян с землей, Лопатин не ограничивался деятельностью по судебному ведомству. В пятидесятых годах прошлого столетия он опубликовал под псевдонимом «М. Юрьев» ряд статей в журналах «Отечественные записки», «Атеней», в газетах и отдельными брошюрами. Вокруг Лопатина сложился общественно-литературный кружок. Приемными днями в особняке в Гагаринском переулке были известные на всю Москву «Лопатинские среды». Сюда собирались университетские профессора, литераторы, общественные деятели. Со временем состав кружка менялся, на смену старому поколению приходило новое, но общее направление оставалось прежним. Сам перечень лиц, посещавших «среды», дает представление о широте интересов Лопатина: Лев Толстой, с семьей которого были дружны Лопатины; А. Ф. Писемский; А. А. Фет; И. Ф. Тютчев, сын великого поэта;

И. С. Аксаков, поэт, славянофил, общественный деятель и публицист; историки С. М. Соловьев, В. О. Ключевский; славянофилы Ю. Ф. Самарин и А. И. Кошелев, активный деятель общества сельского хозяйства; генерал М. Г. Черняев, известный военный деятель, участник Крымской войны и турецкой кампании; профессора Московского университета филолог Ф. Е. Корш, философы В. С. Соловьев, М. Я. Грот, князь С. Н. Трубецкой, председатель Московского психологического общества и первый редактор журнала «Вопросы психологии и философии»; основатель известной в Москве Поливановской гимназии, в стенах которой училось в свое время немало выдающихся деятелей отечественной культуры, Л. И. Поливанов и другие.

В кабинете особняка шли серьезные разговоры, а в соседнем зале-столовой веселилась молодежь, незаметно для себя проникаясь атмосферой «сред». Дети Михаила Николаевича, повзрослев, стали также их деятельными участниками. Старший, Николай Михайлович (1854—1897), мировой судья, обладая хорошим голосом, был собирателем народных песен; Лев Михайлович (1855—1920) стал университетским профессором философии, председателем Московского психологического общества и редактором «Вопросов психологии и философии»; Владимир Михайлович (1861—1935), юрист, товарищ (заместитель) председателя Елецкого окружного суда, еще в молодые годы принимал участие в любительских спектаклях, став позднее артистом Художественного театра. Когда «Плоды просвещения» Толстого впервые были поставлены на домашней сцене в Ясной Поляне, Владимир Михайлович исполнил роль третьего мужика столь талантливо, что Лев Николаевич решил переработать и увеличить эту роль. Вместе с Лопатыным играли дети Толстого и Николай Васильевич Давыдов, исполнявший роль профессора, будучи одновременно режиссером спектакля. Давыдов, известный юрист, тоже выпускник Московского университета, бывший прокурор Тульского окружного суда, оставил интересные воспоминания под названием «Из прошлого», отдельная глава которых посвящена Михаилу Николаевичу Лопатину.

Владимир Михайлович был особенно дружен с детьми Толстого — Сергеем Львовичем и Татьяной Львовной, в замужестве Сухотиной. Его театральные мемуары помещены в составленном П. Сергиенко Толстовском альманахе, вышедшем в свет в 1909 году.

Единственная дочь Михаила Николаевича Екатерина Михайловна (род. в 1865 году) была не лишена литературного да-

П. А. Панаева.
Портрет работы
неизвестного
художника.
Из собрания
Ю. Б. Шмарова.

рования и писала под псевдонимом «К. Ельцова». Наиболее известен ее роман «В чужом гнезде», опубликованный в «Новом слове» в 1896 году⁶. В редакции «Нового слова» в 1897 году она познакомилась с Иваном Алексеевичем Бунинным, который приездах в Москву часто останавливался в соседнем с особняком Лопатиных доме по Хрущовскому переулку, в «меблированных комнатах» Гунста.

В одной из тетрадей Екатерины Михайловны, найденных мною в 30-х годах на чердаке дома Лопатиных и хранящихся теперь в Пушкинском доме (ИРЛИ АН СССР), имеется помеченная 12 марта 1898 года запись: «Иван Алексеевич дня через два после того, как я писала в последний раз, в среду уже был у меня. Он у меня постоянно, мы вместе работаем. Мне теперь легко с ним, в наших отношениях есть много поэтического, и, хотя часто меня пугает мысль, что с ним будет, думаю, что иначе поступить я не должна... «Постарайтесь взглянуть на это оригинальнее... как никак, а мы артисты, черт возьми, нужно же, чтобы мы выработали какие-нибудь иные формы», — говорил он мне».

В свою очередь Бунин вспоминал позднее о Е. М. Лопатиной: «Она была худая, болезненная, истерическая девушка, некрасивая, с типическим для истерички звуком проглатывания — м-гу — звуком, которого я не мог слышать. Правда, в ней было что-то чрезвычайно милое, кроме того она занималась литературой и любила ее страстно. Чрезвычайно было глупо думать, что она могла быть развитей меня оттого, что у них в доме бывал Владимир Соловьев. В сущности, знала

она очень мало, «умные» разговоры еле долетали до ее ушей, а занятая она была исключительно собой. Следовало бы как-нибудь серьезно на досуге подумать о том, как это могло случиться, что я мог влюбиться в нее. Обычно при влюбленности, даже при маленькой, что-нибудь нравится: приятен бывает локоть, нога. У меня же не было ни малейшего чувства к ней как к женщине. Мне нравился переулок, дом, где она жила, приятно было бывать у них в доме. Но это было не то, что влюбляются в дом оттого, что в нем живет любимая девушка, как это часто бывает, а наоборот.

Она мне нравилась потому, что нравился дом».

После смерти Михаила Николаевича Лопатина в 1900 году был произведен раздел: сыновья получили имение в Орловской губернии, а дом наследовала Екатерина Михайловна. В 1917 году она продала особняк некоему Бирстейну и уехала за границу. Умерла она в Париже.

После Октябрьской революции особняк был национализирован и стал достоянием государства. Он является уникальным памятником не только из-за своей архитектуры, но и истории. Подобных памятников быта в Москве остались буквально единицы, и потому он требует особо бережного к себе отношения и внимания. В настоящее время завершается его реставрация.

¹ Моск. ист. арх., ф. 4, оп. 8, д. № 284 Воронина.

² Моск. ист. арх., ф. 50, оп. 19, д. № 461, акт № 217.

³ Моск. ист. арх., ф. 14, оп. 6, д. № 188.

⁴ Ша м у р и Ю. Очерки классической Москвы.

⁵ Моск. ист. арх., ф. 14, оп. 7, д. № 4374, 4738; ф. 203, оп. 747, д. № 1115.

⁶ Есть отдельное издание — Спб., 1899.